

миссия: «сейчас же засядем», — чтобы заставить поверить в свое репутацию, и ни единого разговора, ни одного слова, касающегося как бы то ни было общественных интересов.

Много не сказано, много невысказано по крайней мере, да не в читающих пьесы, и особенно досадно высказано, что это не от недостатка таланта, а от скупости: непременно в тог по несколько пьес писать; по основанию пьес представляется миф чрезвычайно интересным и большим. Разрушение женской души так, где мужская и не темнится — это явление гораздо более глубокое, чем думать как сторонники мужской чистоты, так и сторонники женского «деревян». И почти не затронуть его в литературе в той степени.

От этой стороны пьесы Леонида Андреева кажется миф значительные многие «оборонять» публикой пьес.

Насколько судили пьесу, настолько полюбому, были склонны хвалить непонятней.

Кт этой похвалы и присоединились без оговорок только по отношению к Качалову: странное напряжение первой сцены, трудность которого усугубляется тем, что миф начинается пьесы, и его надо выработать прямо, без разбоя, — удивительно. Это — сама жизнь, это — создание высшего искусства, доподлинное творчество. (Напрасно только, как сообщалось в печати, задуманный этики артистность долгие «разговоры без слов» в начале пьесы. Публика знает, что ей нужно что-то слышать, и допустить, что она все-таки ничего не слышит.) В вся основная роль проведена Качаловым с ограниченными тактом, с замечательной яркостью и правдивостью образа. Показалась на сцене Качалов, и сразу напрягались внимание зрителя, и возрастал интерес к произведению.

Г-жа Германова сыграла гораздо лучше гибнущую и погибшую Екатерину Ивановну духом настоящих действий. Здесь она была во многом очень хороша, но она не сумела дать нам понять и почувствовать в первом акте всей глубины своего женского негодования, обиды, а во втором — не дала нам показать о мифе, только что умершей женщиной, быстрой чайки, убитой грубой рукой. Много здесь было автора, но немало и от артистки. И потом: когда научить г-жу Германову не терять своей прекрасной молодой фигуры старческими складками, таия?

Много хорошего в г-жи Коенет — Д-

ий, особенно во втором акте; как он это миф, хорошей, хорошей намекну сердцу простоты!

Ментиков... Да, он может быть и таким, какими его изображал г. Воронцов. И он же изображал его хорошо, но миф кажется, что Ментиков много плюндрил и много комичнее, что это и фигуркой должен быть так же милое, как и душой.

Остальными роли, кроме художника, всё англоязычные, и всё их играли очень хорошо, а вот художник г-на Москвина неожиданно вышло почему-то внешне солидным, внешне суровым и внешне скучным.

Среди мнений остальных персонажей от единственного вымороч, сильный, энергичный человек; на обязанности его — повить драстические действия этой пьесы, на обязанности его исполнителя — повить настроение зрителя. А г. Москвин так научил, так научил, что третий акт, вовсе не удавшийся в чести, вымолвил в постановке Художественного театра все душу.

«Художественная» темнота, «художественная» наука, при которых слова подожало через час по стеновой лжи, и в результате — непреодолимая тоска...

Здесь театр очень повредил автору. Ожидание можно и нужно было сыграть и последний акт, и даже гораздо больше ожидания, движений, разнообразных переживаний, чем дал режиссер. Это тоже много повредило успеху.

СЕРГЕЙ ЯБЛОНОВСКИЙ.

Ранне утро 18 дек 1906.

Вчера в Художественном театре.

Для вчерашней премьеры Художественный театр поставил «Екатерину Ивановну» Леонида Андреева.

И в постановочном порядке пло так. После первого акта аплодировали. После второго — меньше. После третьего — молчали. И после четвертого — категорически свистали.

Свистали не театр, не исполнители, а определенно автору. И вовсе не так трудно разобраться, за что

свистали. Вь рецензия я сделаю это подробно, а пока ограничусь двумя словами.

По всей линии творчества Андреева проходит дит крайности, — это легко проследить. Даже опь удаляется в полное отращение, в туманный и мистический символ, либо наоборот, если берется за быт, окунается в самую гущу его. Вь збирное. Вь физиологию.

Так и вь «Екатеринь Ивановну». Взяв темой женщину, *Нашу* женщину. *Нашу современницу*. И вскрыл ее. Вскрыл физиологически.

И вь этой такою вскрытии устами художника Коромислова заявил, что вь натуре всякой женщины прежде всего и больше всего элемента шлохака. Она — шлохака. Но каккая мертвая. Нить вь ней, как вь древней Элиды или Рамы, радости разврата. Нить сонца. Нить красота. Она — сонная, вялая. И, развратничая, она съела только горести и слезы.

Всь женщины вь большей или меньшей степени Екатерины Ивановны, отдающиеся сегодня мужу, завтра ячточному Ментикову, послезавтра преизрашному е же художнику Коромислову, а там студенту Алейш и т. д. И все это переутало дожь, гримасы порядочности, этикетскими условиями.

Таким такою артика, конечно, шокировала зрителя. Его задан — он свистали. Свистали даже любящему автору.

Что касается самой пьесы, вьрвы, структуры ея, она произвела впечатленье двух точно разрозненных половин. Как-то вь втором акте она кончается, но, чтобы создать свисталы, автор придумал еще третий и четвертый. И стал вымучивать тему. Поставил ея на дыбы и стал подкашивать.

Поставлена пьеса старательно. Не совсём удаётся сама Екатерина Ивановна г-жи Германовой. Интересны гг. Качалов и Воронцов. Толь обычный для Художественного театра — поивенный и намеденный. Паузы явное перепроизводство.